

УДК 400.89:409/398.10

А.С. Боханова

Докторант PhD 2 курса Казахского национального университета им. Абая, Казахстан, г. Алматы
E-mail: ayguliok@mail.ru

Вербализация категории лишительности: критерии ограничения

В статье рассматривается вербализация категории лишительности и критерии ограничения. Дается структурно-семантический анализ формирования данной категории. Статья посвящена одной из сложнейших проблем современной функциональной грамматики – определению статуса и совокупности языковых единиц с общей семантикой необладания. Обозначенный в лингвистических источниках данный вопрос так и остается до настоящего времени неосвещенным. В статье затрагивается история вопроса, связанная в том числе с работами Вяч.Вс. Иванова, который впервые обозначает данную совокупность языковых единиц как категорию.

Ключевые слова: категория лишительности, вербализация, категориальный признак, логическое отрицание, языковое отрицание.

A.S. Bohanova

Verbalization of the category of deprivation: criteria of restriction

This article is devoted to the one of the most complex problems of modern functional grammar, that is of the problem of defining the status and whole of language units with the common semantics of non-possession. This problem designated in linguistic sources remains unlit to this day. Attempt to investigate problem connected with the expression of depravity in language occurs rather up-to-date.

The article touches the history of the problem, including works of Vyach. Vs. Ivanov, who was the first who denotes this whole of language units as category.

There is defined the status of the category of depravity as semantic category, and also the circle of lexical units which compose functional and semantic field corresponding to this category.

As could be seen from presented factual data is economic discourse, that is important because the sphere of economy is dynamic enough and much in it depends on the level of depravity.

Keywords: category of deprivation, verbalization, categorical feature, logical negation, language negation.

А.С. Боханова

Азайту категориясының вербалдануы: шектеу өлшемдері

Бұл мақала қазіргі функционалдық грамматиканың күрделі мәселелерінің бірі болып саналатын тілдік бірліктердің мәртебесі мен тіл бірліктерінің ортақ иелік етпеу мағынасымен бірлігін анықтауға арналған. Аталмыш мәселе белгіленген лингвистикалық дереккөздерде осы күнге дейін айқындалмай отыр. Тілдегі жою мағынасын білдірумен байланысты болған мәселені зерттеуге дер кезінде талпыныс білдіріліп отыр.

Мақалада тілдік бірліктердің аталмыш бірлігін категория ретінде алғаш айқындаған Вяч.Вс. Ивановтың еңбектерімен байланысты мәселенің тарихы да сөз болады. Жою категориясының мәртебесі мағыналық категория ретінде айқындалған, сонымен қатар аталған категорияның тиісті функционалды-мағыналық өрісін құрайтын жалпы лексикалық бірліктердің аясы да қарастырылған. Байқағанымыздай, экономикалық дискурс келтірілген нақты мәлімет болып табылады, өйткені экономика саласы барынша серпінді және онда көбісі айыру дәрежесіне байланысты болады.

Түйін сөздер: азайту санаты, вербалдану, категориялық белгі, логикалық терістеу, тілдік терістеу.

Введение категории лишительности в круг семантических категорий функциональной грамматики происходит относительно недавно и связывается с именем выдающегося лингвиста Вяч.Вс. Иванова. Ученый определяет ее как оппозиционный коррелят, как «обратную категорию» получившей устойчивое признание в лингвистической науке категории посессивности (притяжательности). Вместе с тем, по располагаемым нами данным, категория лишительности (или в другой, выделенной Вяч.Вс.

Ивановым, терминологии категория каритивности [1, 5] не получила дальнейшего развития в лингвистических исследованиях.

Прежде всего, требует определения статус данной категории, которая интерпретируется нами как семантическая категория. В пользу такого утверждения свидетельствует тот факт, что определение ученых, положенное в основу ее интерпретации, имеет место в понятийных системах носителей как флективного, так и агглютинативного типов языков. Категориальный

признак лишительности связывается с частным отрицанием «обладания по отношению к предметам, обозначаемым отдельными локальными частями высказывания, не влияющими непосредственно на истинность или ложность всего утверждения в целом». [1, 5]

Отмеченный категориальный признак представлен в виде лишительного падежа в составе падежной парадигмы в чувашском языке, на что указывают исследования М.Р. Федотова. Формальным способом выражения грамматического значения данного падежа является, согласно ученому, чувашская морфема *-сар, -сер*, представляющая собой аффикс лишительного падежа. Аффикс отмечается, как правило, в составе имени прилагательного, передавая значение «необладание тем предметом или качеством (свойством), на которые указывает лексическое значение корня» [2, 96]. О распространенности лишительного аффикса свидетельствует наличие его в марийском языке в виде аффикса *-сыр*. М.Р. Федотов приводит следующие примеры: *айансар* → мар. *аипсыр*, что соответствует русскому прилагательному *безвинный*; *чонысыр* — *бездушный* (мар. “чон”- “душа”) [2, 98]

Сформировавшаяся в мыслительной деятельности человека категория лишительности, однако, в истории лингвистической науки описывается фрагментарно, что затрудняет определение периода ее научного осмысления. В качестве своих предшественников Вяч. Вс. Иванов указывает имена известных ученых И.А. Мельчука, Ю.Д. Апресяна, которые в исследованиях по лингвистической семантике выделяют прилагательные с каритивным значением, передающим негативную оценку или отсутствие [1, 6]. В своих исследованиях Ю.Д. Апресян, разрабатывая семантический язык, выделяет семы категории лишительности, однако не делает при этом акценты на самой категории как самостоятельного понятийного образования. Ученый отмечает, что существительные *воля, качество, темперамент* способны сочетаться с глаголами и прилагательными, имеющими значение повышения или, что особенно важно для нашего исследования, понижения степени: *слабая воля, вялый темперамент, качество понижается*. [3, 64] Применительно к прилагательным выделяется шкала типа 'мелкий – глубокий'. [3, 65] Отдельные замечания по языковым средствам, репрезентирующим категорию лишительности в русском языке, отмечаются в трудах ученых-классиков А.И. Соболевского, Ягича, П.Я. Черных. [1]

Сказанное позволяет утверждать, что определенное научное осмысление категория лишительности получает уже на рубеже XIX-XX вв.

В настоящее время назрела необходимость систематизации вербальных средств воплощения категории лишительности в виде функционально-семантического поля в конкретном языке. Иными словами, актуальным представляется выявление семантических и формальных средств воплощения данной категории, следовательно, границ функционирования ее вербальных показателей. В настоящей статье произведена попытка такой систематизации на материале русского языка в контексте привативной оппозиции 'семантический язык – естественный язык'. С этой целью нами были обозначены обусловленные билатеральностью функционально-семантического поля следующие критерии: семантический, лексико-семантический и формальный.

В основу семантического критерия вслед за Вяч.Вс. Ивановым была положена философская теория лишения Аристотеля [1, 13] Сущность данной теории заключается в следующем: состояние, при котором у субъекта отсутствует предмет, данный ему от природы. [4] Особо подчеркнем, что значимым для семантического ограничения лишительности является общий категориальный признак: языковое отрицание в отличие от логической связки относится только к части предложения. В данном случае значимо принципиальное отличие общего (предикативного) отрицания от частного (локального) отрицания как специфического свойства каритивного значения.

Как известно, предикативное отрицание имеет место в собственно отрицательных предложениях. Согласно данным исследований, предикативное отрицание передается посредством частицы *не* при глаголе-сказуемом (*трудностей не встречается*), слова *нет* (*нет времени*); слов категории состояния *нельзя, невозможно, немислимо* (*Нельзя пройти; Немислимо забыть; Невозможно разговаривать*); частицы *ни* (*Ни души*); отрицательных местоимений *никто, ничто*; местоимения-прилагательного *никакой* (*Ничего нового; Никаких проблем*). [5, 402-405] В представленных случаях полностью отрицается предикативный признак, что придает отрицательное значение всему предложению. Каритивное (лишительное) же значение связано с частным отрицанием, при котором отрицается не самое действие, не вся ситуация в целом, а лишь какая-то ее часть. Таким образом, отри-

цание носит частный характер, например: *Не брат ходил в библиотеку; Брат ходил вчера не в библиотеку.* [5, 408]

В переводе с философского языка Аристотеля на семантический язык выделим следующие каритивные семы:

а) отсутствие у предмета свойства, которое является естественным достоянием вещи, что схематически представим как: $S \in V_{pas} - V_{pas}$, где S – субъект (предмет), V_{pas} – объект непосредственной естественной принадлежности (посесивности), – – минус;

б) отнятие (лишение) чего-либо, что схематически представим как:

$$S_1 \in V_2 - S_2 \in V_1;$$

в) малая степень качества либо плохое качество предмета; актуализация на шкале привативной оппозиции оценочной амбивалентности 'хорошее – плохое' второго элемента, что схематически выразим как:

$$S(V) \in Adj+ \rightarrow S(V) \in Adj-;$$

г) полное отсутствие какого-либо качества предмета: $S(V) \in Adj - Adj$.

В качестве примера первого семантического критерия Аристотель приводит прилагательное *слепой*. В эту же группу Вяч.Вс. Иванов включает прилагательные *глухой, безухий*, поскольку с их помощью обозначается лишение предмета свойства, считающегося его неотчуждаемой принадлежностью. [1, 6] Анализируя обозначенный семантический критерий, важно подчеркнуть, что в данном случае речь идет о неотчуждаемой, органической, принадлежности, которую, согласно Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванову, следует отграничивать от «отчуждаемой», неорганической, принадлежности, то есть разновидности отношения принадлежности, при которой «предмет мыслится как не относящийся органически к обладателю, как нечто, что может быть отчуждено от обладателя». [6, 289]

Второй семантический критерий 'отнятие (лишение) чего-либо' предполагает некое лицо, в результате действия которого происходит определенное лишение. Подчеркнем, что, в отличие от Аристотеля, согласно которому это «насильственное отнятие» [4, 100], предлагаемый критерий включает в равной мере и изъятие с согласия субъекта. Как нам представляется, в данную семантику включается сема, определяемая Ю.Д. Апресяном как 'ликвидировать этим способом'. Ученый приводит следующие примеры: *вытирать (глаза, пот); лечить (больного – туберкулез), править (дик-*

тант – ошибки), разгладить (платье – складки), штопать (носки – дырки). [3, 206-207] В приведенных примерах в имплицитной форме представлена сема 'лишение отчуждаемой принадлежности'. Так, в словосочетании *вытирать пот* выделяется сема 'лишать пота некоторую часть тела'; в словосочетании *лечить больного* – 'лишать некоторый субъект боли'; *править диктант* – 'лишать диктант ошибок'; *разгладить платье* – 'лишать платье складок'. Таким образом, рассматриваемый семантический критерий на языковом уровне может выражаться как экспликативно, так и посредством импликации.

Семантический критерий 'малая степень качества либо плохое качество' непосредственно связан с количественным фактором. Аристотель определяет его следующим образом: «Кроме того, о лишении речь идет и тогда, если у вещи чего-нибудь имеется мало, как, например, когда говорится про плод без косточки: это значит, что она у него плохая. И дальше – в том случае, если что-нибудь можно в вещи сделать лишь с трудом или плохо, как, например, о неделимом говорится не только в том смысле, что оно не делится на части не легко или не хорошо». [4, 100] Как видим, категория количества занимает у Аристотеля значимое место и связывается с оценочностью. Согласно Н. Рябцевой, и внутренний мир человека параметризуется, а параметры внешнего мира психологизируются... Заведомо не имеющие единиц измерения явления получают количественную интерпретацию, имеющую аксиологический смысл». [7, 126] На тот факт, что категория лишительности на основе рассматриваемого критерия соотносится и тесно переплетается с категорией количественности, указывают выводы ученого следующего характера: «В обыденном сознании количество «опредмечивается», а не измеряется, и потому окрашивается психологическим отношением к нему». [7, 126]

Значимыми в контексте выделяемых ученым процедур выявления количественных отношений [7, 126-127] применительно к категории лишительности являются процедуры: а) сравнение предметов и их количественная градация; б) сравнение с собственным размером. В обеих процедурах следует актуализировать малое или минимальное количество, поскольку именно незначительность чего-то, как правило, приводит к его ликвидации (лишению).

Согласно наблюдениям Н. Рябцевой, ликвидация (лишение) на аксиологической шкале

соотносима с компонентом «плохо». Ученый пишет: «Психологически значимым компонентом является недостаточное или избыточное количество, меньше или больше нормы (ср. *маловодный, малорослый*). Оно вызывает проблемы, поэтому по аналогии с предметным миром этот смысл переносится и в мир социальный: *малограмотный, малодушный, малопривятный*. В разговорной речи он «материализуется» в оборотах, выражающих недостаток (сил, способностей, возможностей и т.п.): *мало каши ел, кишка тонка, руки коротки*». [7, 127-128]

Отметим, что приведенные наблюдения ученого подтверждают исследования Ю.Д. Апресяна, который, анализируя сочетаемость существительных *воля, качество, темперамент* с прилагательными и глаголами, приводит следующие словосочетания с понижением степени: *слабая воля, вялый темперамент, качество понижается*. [3, 64] Интерес представляет наблюдение ученого над сравнением сочетаемости антонимической пары *низкий – высокий* со словом *совсем*. Если сочетание *совсем низкий* является нормативным, то сочетание *совсем высокий* – аномальным. [3, 66] Это подтверждает вывод о том, что возможное сведение признака к минимуму может привести к его полной ликвидации.

В то же время нам представляется нецелесообразным ассоциировать малое количество с негативной оценкой. Такая ассоциация основана на семантике наречия *мало*, определяемого, помимо «в небольшом количестве», также и как «меньше, чем нужно, недостаточно». [8, 219] Последнее значение включает большинство сложных слов с первой составной частью *мало*. Из многочисленной группы данных слов, представленных в словарях и последовательно реализующих отмеченную семантику, незначительная часть из них, однако, имеет положительную коннотацию. В определенной ситуации положительной оценкой способны окрашиваться прилагательные *малогабаритный, малозаметный, малокалорийный, малолитражный, малооблачный, малосольный* и др.

Четвертый семантический критерий категории лишительности, связанный с отсутствием признака, актуализирует семантическую структуру, определяемую Ю.Д. Апресяном как «делать Р меньше или прекращать Р». Ученый соотносит данную структуру с глаголом, подчеркивая, что в ней выражается значение «меньшей степени или полного отсутствия

признака», и приводит в качестве примеров следующие глаголы: *глушить* – «делать менее слышным или неслышным»; *стихать* – «становиться тише или прекращаться»; *тормозить* – «начинать двигаться медленнее или останавливаться». [3, 87]

Перевод с семантического языка на естественный язык предопределяет выявление вербальных средств репрезентации категории лишительности. Ряд из них уже были обозначены учеными на материале русского языка, что не утрачивает, однако, актуальности их подробного анализа.

С позиции лексико-семантического критерия интерпретации требуют выше обозначенные прилагательные типа *слепой, глухой*. Встает вопрос: насколько абсолютным является каритивное значение в данных прилагательных с точки зрения современной методологии? Постструктуралистский подход не позволяет положительно ответить на поставленный вопрос. Подтверждением служат конструкции, приводимые Ю.Д. Апресяном при анализе синонимической семантики типа *Она притворялась глухой; Она симулировала полную потерю слуха; Она делала вид, что глуха; Ее глухота была притворной*. В приведенных конструкциях прилагательное *глухой*, не утрачивая своего лексического значения, однако, обозначает признак, не присущий данному субъекту, что свидетельствует об отсутствии в нем лишительной семантики в рассматриваемом контексте. Таким образом, на лексическом уровне выявлять лишительную семантику целесообразнее в контекстных или конситуативных условиях.

Данное утверждение относится также к лексемам с семантическим критерием «отнятие чего-либо». Речь идет о глаголах *воровать, грабить*, валентностью которых является «некий отбираемый объект». Однако реальность действия, связанного с насильственным лишением субъекта чего-либо, зависит от истинности или ложности высказывания. В равной мере обозначенные факторы влияют на сохранение каритивной (лишительной) семантики в глаголах типа *продать, истратить* (деньги) и под.

Формальными критериями, позволяющими выявлять лишительную семантику, согласно исследованиям ученых и нашим наблюдениям, являются приставки. В частности, Вяч.Вс. Иванов отмечает старославянизмы с приставкой *не-*: *неволя, неверие, недуг, немощь, неправда, неприязнь, нечисть*. [1, 11] Регулярностью в передаче лишительной семантики отличается при-

ставки *без-* (*бес-*), *от-* (*о-*), *у-*, что также подтверждают исследования Вяч. Вс. Иванова. [1]

Согласно нашим наблюдениям, в равной степени регулярностью характеризуется приставка *вы-*, употребляемая в составе глаголов, например: *вымести комнату* – ‘лишить комнату сора’; *выбить пыль из ковра* – ‘лишить ковер пыли’; *выскрести сковороду* – ‘лишить сковороду остатков пищи’.

Приведенные вербальные средства пред-

ставляют собой лишь часть того арсенала, благодаря которому достигается передача лишительной (каритивной) семантики в русском языке, что свидетельствует о необходимости дальнейших исследований в этом направлении.

Итак, в основе ограничения вербальных средств, передающих категориальное значение лишительности, лежат семантические критерии, сопровождаемые комплексом лексических и словообразовательных средств.

Литература

- 1 Иванов Вяч.Вс. Типология лишительности (каритивности) // Иванов Вяч. Вс., Малошная Т.Н., Головачева А.В., Свешникова Т.Н. Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. – М.: ИНДРИК, 1995. – С. 5-59.
- 2 Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск: Изд-во Саран. ун-та, 1990. – 336 с.
- 3 Апресян Ю.Д. Избранные труды, I: Лексическая семантика. – М.: Школа “Языки русской культуры”, Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1995. – 472 с.
- 4 Аристотель. Метафизика. – М., 1956. – С.100.
- 5 Русская грамматика. Т.2; Синтаксис. – М.: Наука, 1982. – С.402-405.
- 6 Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т.I. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси: Издательство Тбилис. ун-та, 1984. – С. 265-319.
- 7 Рябцева Н. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 604с.
- 8 Словарь русского языка. В 4-х томах. Т.2. – М.: Русский язык, 1986. – С. 219-222.

References

- 1 Ivanov Vyach.Vs. Tipologiya lishitel'nosti (karitivnosti) // Ivanov Vyach. Vs., Maloshnaya T.N., Golovacheva A.V., Svshnikova T.N. Etyudy po tipologii grammaticeskikh kategoriy v slavyanskih i balkanskih yazykah. – M.: INDRIK, 1995. – S. 5-59.
- 2 Fedotov M.R. Chuvashsko-mariyskie yazykovye vzaimosvyazi. – Saransk: Izd-vo Saran. un-ta, 1990. – 336 s.
- 3 Апресян Ю.Д. Izbrannyye trudy, I: Leksicheskaya semantika. – M.: Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”, Izdatel'skaya firma “Vostochnaya literatura” RAN, 1995. – 472 s.
- 4 Aristotel'. Metafizika. – M., 1956. – S.100.
- 5 Russkaya grammatika. T.2; Sintaksis. – M.: Nauka, 1982. – S.402-405.
- 6 Gamkrelidze T.V., Ivanov Vyach.Vs. Indoevropeskiy yazyk i indoevropytsy. T.I. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazyka i protokul'tury. – Tbilisi: Izdatel'stvo Tblis. un-ta, 1984. – S. 265-319.
- 7 Ryabtseva N. Yazyk i estestvennyj intellekt. – M.: Asademia, 2005. – 604s.
- 8 Slovar' russkogo yazyka. V 4-h tomah. T.2. – M.: Russkiy yazyk, 1986. – S. 219-222.